Edited with the demo version of
Infix Pro PDF Editor

To remove this notice, visit:
www.iceni.com/unlock.htm

Каждый, рано или поздно,
находит то, что ищет,
но в стремлении найти
это может потерять
самого себя.

ПРОЛОГ

В этой книге есть всё: любовь, судьба, удача и неизбежность. Неизбежность выбора, которая всегда приходит к каждому из нас. Выбирая свой путь в жизни, иногда мы жертвуем самым дорогим.

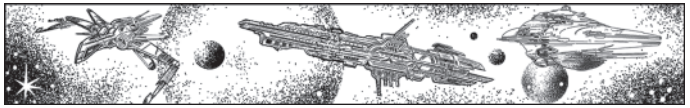
Эта история расскажет вам о переживаниях людей, о самом важном, что есть у каждого из нас. Окунувшись в мир приключений и космических странствий, сопереживая с героями, вы также сделаете выбор. И как всегда, самым сложным выбором окажется Ваш.

Уверен, вы справитесь, как когда-то справился я, решив написать вот это...

КОСМИЧЕСКИЙ СОН

Солнце ослепило меня, как только я повернул от Земли к Марсу. Его лучи пронзили меня своим кинжальным светом заставляя по-детски, ладонями закрывать глаза. Этот мощный яркий свет слепил меня, прежде чем я очутился с другой стороны Луны. Её безжизненная поверхность, сухая, будто печенье, приветствовала меня унылым молчанием. Кратеры стали больше — мне кажется, это всё из-за непрекращающихся метеоритных дождей.

Я взглянул направо — меня провожал Млечный путь. Сотни миллиардов песчинок космической пыли слились в простыню космического пространства. Вот зрелище! А созвездия, сотканные из миллиардов звёзд, продолжали сиять. К примеру, Лев, гордый и сильный, застыл в центре, возглавляя царство Галактик. Прекрасная Андромеда расположилась недалеко, грациозно сияя ему в спину. Однако, я двигался дальше, приближаясь к моей цели. Слева меня преследовали Рыбы — эти забавные существа, хотя и плыли в разные стороны, сходились в одной точке, сверкая пурпурным светом. Этот дивный свет стал венцом для Пегаса, который словно летел сквозь всю Галактику. Несколько комет пристроились ему в хвост, будто сопровождая его. Только Водолей с Девой были неподвижны и унылы. Казалось, что они спят.



Удивительно и непостижимо!

Редкие астероиды мелькали, заслоняя панораму, а атмосферы Земли и Венеры тем временем приятно удивляли ярко-голубым оттенком, отражая солнечный свет.

Мой разум был переполнен миллионом красок космоса. Причудливые картины, раскрывшиеся моему взору, заставляли всматриваться в каждый элемент сложной мозаики космического пространства. Подумать только, что в таком холодном и мрачном месте, наполненном лишь миллиардами нейтронов и неонов, рождаются новые формы света и жизни.

Я набрал скорость и очутился у границ Фобоса и Деймоса. Их скучный вид не заинтересовал меня, а вот Марс удивил. Похоже, на поверхности началась очередная буря, и красная планета была в плену мрака. Не мешкая, я повернул в сторону Юпитера.

Водородный гигант был как всегда ленив. Череда спутников, образовывающая свиту Юпитера, словно стояла на страже его покоя. По мере приближения к каждому из них я старался рассмотреть их необычные формы. Ледяная Европа была похожа на снежную королеву, Ио — на один большой вулкан, извергающий многокилометровые струи лавы. Ганимед и Каллисто

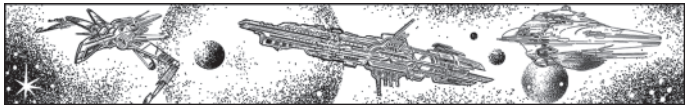
поражали своими размерами, равными Меркурию. Однако к ним космос был более благосклонен. Хотя я даже не увидел Меркурия, было ясно, что он навсегда в плену у Солнца. Звезда сожгла его задолго до появления спутников Юпитера.

Моему взору по мере приближения предстали Адрастея и Метис — эта знойная парочка была ближе всех к Юпитеру, но из-за неправильной формы и сложной орбиты спутники будто танцевали вокруг своего властелина.

Наконец я очутился у границ атмосферы Юпитера. Как прекрасен он в лучах света! Его атмосфера, формирующая кольца разных оттенков, медленно вращалась в разные стороны, заставляя замирать от восхищения. Большое красное пятно, будто небрежный мазок художника, расположилось неподалёку от экватора. И всё же Юпитер при всей своей неповторимости был безжизнен, и я с грустью подумал, что надо двигаться вперёд. Не знаю, что заставляло меня лететь всё дальше и дальше вглубь Солнечной системы. Возможно, желание заглянуть в неизвестность.

Пролетев пару сотен миллионов километров, я оставил за собой Юпитер и четыре самых крохотных и отдалённых его спутника: Пасифе, Карме, Ананке и Синопе.

Посмотрев направо, я увидел, как созвездие Девы подмигнуло мне. А вот ярким светом зажглись и звезды Кассиопеи. Я подарил им свою улыбку в ответ. Набрав необходимую скорость, я примчался к границам Сатурна.



Эта планета всегда занимала меня. Самая загадочная и неповторимая, она была окутана кольцами, которые, как неприступный барьер, охраняли Сатурн. Замкнувшись в тысячи колец, астероиды образовали несколько тысяч параллельных эллипсов. Несмотря на газовую структуру, в недрах планеты давление гораздо меньше, чем на поверхности, — это повлияло на её магнитное поле и силу притяжения.

Как и Юпитер, Сатурн успел за свою жизнь «взять в плен» несколько спутников. Грозный Титан, Атлас — самые крупные — охраняют Сатурн по бокам, с западной и восточной стороны. Мимос и Тефия находятся ближе всего и поэтому усеяны огромными кратерами. Словно стражи, они останавливают огромные астероиды, которые пытаются убежать от хозяина. Феба замыкает кавалерию Сатурна, расположившись вдалеке от всех. Наблюдая за Сатурном, я вдруг испытал невиданный до сих пор страх, так как кольца исчезли. Я закрывал и открывал глаза, но их не было. Пока я сделал пару поворотов, моё сердце забилось с привычной частотой. Я очутился прямо перед рёбрами колец, и в темноте космоса и атмосферы они испарились на мгновение, став миражом.

Двигаясь дальше, я оказался у границ системы. Странно, но поворачивать и двигаться в сторону Урана, Нептуна и Плутона совсем не хотелось. Они находились так далеко от Солнца, что замёрзли давным-давно. Но не это останавливало меня. Здесь, на границе системы, мне открылись потрясающие виды далёких созвездий. Могучие Альдебаран и Капелла, Лебедь и

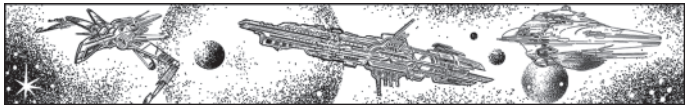
Аритур, Процтон и Сириус, усеянные крептолиновыми гигантами, сияли как никогда. В созвездии Тельца рождалась новая звезда, яркой вспышкой она затмила летевшую рядом ледяную комету. Мегатонны горящей плазмы мгновенно выплеснули миллиарды люксов в сторону солнечной системы, так что Солнце сверкнуло в ответ. Ярко-красный Антарис скрылся тем временем за чёрной дырой, уныло находившейся в центре. Малый Пёс будто помчался тремя кометами к Большой медведице. Лишь гордый Орион, сверкая, был неумолим ко всему происходящему. Вега поражала своей грациозностью и масштабами. Её главная звезда была по размеру больше орбиты Юпитера. Представьте только, что огромное Солнце содержало триллионы интенсивного водорода, заставляющего его выплёскивать ярко-белый свет в далёкие Галактики. Квазары и пульсары расположились рядом в созвездиях Поллукса, озаряя свою Галактику оранжевый светом. И всё же как бы далеко я ни забирался, мне приходилась рассматривать далёкие звёзды-лириды, скопления которых были слишком удалены от моего взора. Их световое излучение было сравнимо лишь со светом метагалактик.

Я был очарован. Интересно, сколько квантов света пронизывают Вселенную? А может, всё это неслучайно. Может, все эти звёзды прокладывают световые пути для всех нас, чтобы мы могли заглянуть в глубины далёких Галактик. Возможно, что так, и это удивительно!

— Доброе утро, Джонатан.

Прозвучал голос БИЛа, и я проснулся.

— Доброе утро, старина, ты как всегда точен.



На коммуникаторе горела цифра 145. Это значило, что наступил 145-й день нашей экспедиции. Молча встав с кровати, я отправился в душ. Через десять минут я уже пил свой кофе и всматривался во тьму иллюминатора. Солнце горело уже точкой, а не ярким диском.

— БИЛ, напомни мне поблагодарить Джулию Колтроу.

— Конечно, Джонатан.

— Она замечательный специалист. Давно мне не снились такие сны, пускай даже я проспал целую неделю, — уверенно сказал я.

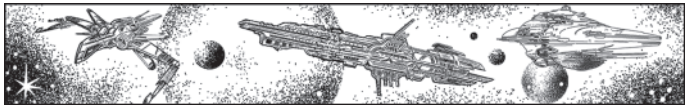
Стоя у иллюминатора, я размышлял над моим сном. Иногда мне кажется, что на небе столько же звёзд, сколько мыслей в голове, и они так же неповторимы, удивительны, печальны, интересны, скучны и наивны, как жизнь человека. Поговорить со звездой всё равно что поговорить с самим собой, когда размышляешь над чем-то. Мыслей так много и они такие разные. Эти крохотные элементы формируют иногда причудливые картины в моменты отдыха нашего сознания. Что же такое сны, — удивительные впечатления, которые, по сути, являются зеркалом нашей души? Они формируют наше настроение, чувства, эмоции, иногда даже нашу жизнь, меняя её в одночасье и навсегда.

Я допил кофе и направился к двери моей каюты. Меня ждало очередное дежурство на мостике «Небесного Странника». Обернувшись и посмотрев на коммуникатор, я вдруг подумал обо всём том, что со мной произошло за эти 145 дней. Сейчас всё пережитое казалось таким понятным. А начиналось всё в солнечный день в «Жемчужной Гавани».

РАССВЕТ

Рассвет всегда неповторим. Каждое утро, открывая глаза, я нахожу в нём новые оттенки света. Они прекрасны. Как будто моему взору открывается совсем иной, до боли знакомый жёлтый диск Солнца. Он соткан из миллиардов молекул, которые, соединившись, раскаляют космос до миллионов градусов. Я знаю, что только на Землю приходит утро, а в космосе лишь холодное безмолвие. Забавно, спит ли Солнце когда-нибудь, как спят люди? Вряд ли, ему некогда. Его поверхность постоянно меняется, будто жизнь человека. Странное ощущение возникает, если думать о том, что абсолютно неважно. Ведь Солнце взойдёт и завтра и всё также будет гореть ярким светом. Ближе к полудню, войдя в свой зенит, оно безжалостно охватит нашу планету своим пламенем, даря девушкам загар на пляже и заставляя деревья и цветы пахнуть по особенному.

Не знаю, почему я сегодня так думаю. Может быть оттого, что проснулся раньше, чем обычно, а может, просто потому, что немного устал вчера. Нет, нет, от-

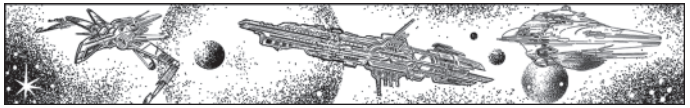


вет есть, как всегда, есть. Остаётся всего неделя до завершения обучения в лётной академии. Почти все экзамены позади. Заканчиваю неплохо, хотя стоп, есть ещё одно обстоятельство, да, есть. Мне сегодня 25. Сегодня, 1 июня 2092 года, тебе, Джонатан Либерти, 25 лет.

Я встал с постели и подошёл к окну. Залив «Жемчужной Гавани», освещённый утренним светом, с лёгкой летней прохладой и радугой, растянувшейся, будто нарочно, на всё небо, был незабываем. С трехсот пятьдесят пятого этажа жилого корпуса академии гавань казалась настоящим чудом природы. Я стоял и не мог оторвать глаз от неба и гавани. Это был настоящий подарок после недели непрекращающихся ливней, экзаменов и плохого настроения. Уже семь ноль пять, надо заканчивать любоваться и идти в душ. Как не хочется отрываться от окна! Как было не просто уговорить администратора предоставить мне именно эту комнату. Хорошо, что отец научил меня играть в бильярд, и хорошо, что я не азартен. Несколько партий — и этой красотой я любуюсь уже полгода, правда, не так часто. Учёба отнимает много времени, да и работа тоже. Ещё пару минут у окна и нужно торопиться. Альбатросам всё равно, они парят над водой, словно грузовые шаттлы, и всматриваются в синюю гладь. Ну всё, пора, надо не забыть включить коммуникатор прослушать сообщения и новости. Так, что у нас сегодня? Посмотрим. В последнее время моя жизнь полна неожиданностей. Вот и сейчас я захожу в душевую кабину, которая напоминает спасательную капсулу размером два на два метра с ру-

пором вверху, и сразу смесь холодной и горячей воды обдаёт меня бодростью. Хорошо, что комната небольшая, и четыре окна, которые больше напоминают огромное пятиметровое стекло, соединённое линиями нагрева, позволяют смотреть на залив из любой точки комнаты. Да, надо не забыть убрать кровать, пульт управления комнатой — это хуже, чем любая современная компьютерная игра. Там давно уже всё на импульсных сенсорах, а здесь приходится нажимать на кнопки, чтобы кровать незаметно уехала в левую стену, а стол с импровизированным холодильником, нет, скорее шкафом с готовыми продуктами, занял её место. Продукты здесь нечто среднее между тем, что готовит мама, и полуфабрикатами из магазина. Хотя о чём я? Я был в магазине три года назад. Теперь поход в супермаркет — это настоящий комфорт и праздник, который может себе позволить лишь состоятельная семья. Помню один такой поход, мама была рада.

Итак, душ окончен. Минута воды и пара — и приятный женский голос комнатного компьютера оповещает об окончании мытья. Конец XXI века — это вечная экономия, хотя может быть, это и правильно. Когда торчишь в душе больше тридцати минут, невольно начинаешь думать не только о душе. Ладно, пора одеваться и выпить кофе. Кстати, я дал компьютеру имя, «Лили». Мои друзья считают, что я отношусь к компьютерным творениям чересчур мягко и неправильно. Но раз чей-то голос говорит мне, что я уже помылся, то почему бы не думать о том, что у голоса есть имя. Тем более Лили, это единственное женское имя, которое

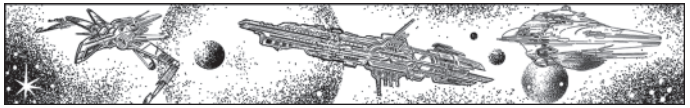


не принадлежит никому из девушек в нашей группе. За пять лет обучения в академии я не встречался ни с одной Лили. Может, и к лучшему. Кофе, а-а, тоже редкость в наши дни. Я пью концентрат, как и все. Наш профессор Бентли говорит, что сейчас вся наша жизнь — это концентрат. Смесь суррогата и обманутых надежд. Однако мне надо торопиться. На коммуникаторе уже 7.25. Время безжалостно к нам, как всё, что происходит в нашей жизни. Ещё одно нажатие, и правая стенка, медленно отодвинувшись, предоставляет мне «широкий выбор формы». Три экземпляра абсолютно одинаковой одежды, последний оплот дисциплины, оставшийся в уставе лётной академии Жемчужной Гавани. Нежно-голубая сорочка и бирюзовый комбинезон подчёркивают, но не выделяют линии вашего тела. Пара отличительных меток, говорящих о принадлежности к студентам последнего курса.

Мини-коммуникатор, отличающийся от комнатного своими размерами, в буквальном смысле представляет портативный браслет на руке. Никаких аксессуаров более. Я поворачиваюсь к окну, и правая половина отражает мой силуэт. Я использую это, чтобы причесать волосы. Совсем несложно и без зеркала. На коммуникаторе 7.29. Пора. Я делаю шаг в сторону двери. В 7.30 я в вестибюле жилого корпуса. В 8.00 мне нужно быть в академии. Здесь близко, и я всегда хожу пешком, успеваю неторопливым шагом. Когда я выхожу на улицу, а точнее на подвесную дорогу, ведущую в сторону академии, весь мой юношеский задор и мысли словно уходят. Я понимаю, что на дворе 2092-й год, мне двадцать

пять и я должен быть серьёзным. Особенно сегодня. Жаль, что в нашей жизни так мало место романтике, пускай даже как элементу детства.

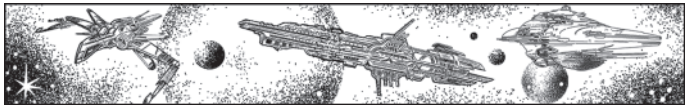
Никогда не думал, что тот рассвет в Жемчужной Гавани мне запомнится на всю жизнь. Это было чудесное утро. Сейчас, по прошествии почти двух лет, я вспоминаю всё по-новому. Именно с этого дня моя жизнь начала набирать совсем новый оборот. Мог ли я представить, куда занесёт меня судьба?.. Но не буду спешить, обо всём по порядку.



ЗЕМЛЯ СОВРЕМЕННОСТИ

Земля 2092 года была совсем не такой, какой представляли её наши родители или кто-либо. Мир предстал мне совсем обыкновенным. Ровно пять лет назад моя мама отправила меня учиться в лётную академию «Жемчужной Гавани». Последние тридцать лет это было одним из пяти самых крупных учебных центров Земли. За сорок лет до этого Указом Президента, тогда ещё Соединённых Штатов Америки, а не двух Америк, как сейчас, было начато строительство нескольких крупнейших университетов и академий. Технологический прогресс через двадцать лет поставил Землю на совершенно новый рубеж. Человечество так и не нашло к этому времени лекарств от рака и других недугов, но сумело создать новые виды транспорта, построенные, в основном, на гравитационных принципах Земли. Был использован принцип воздушной подушки, только увеличенный в несколько десятков раз. Новые виды транспорта, чаще наземного, могли передвигаться выше, используя разные виды притяжения земной поверхно-

сти. Самолёты превратились в портативные шаттлы, а авто стали магнитным транспортом, двигающимся по скоростным автобанам. Фотонные двигатели легли в основу новых космических аппаратов. Однако эти и многие другие изобретения не позволили человечеству уйти от труда людей. Эксперименты с робототехникой провалились из-за дороговизны производства роботов. Старушку Землю изрядно поизносили и перерыли поисками редких пород и минералов. Энергетические запасы планеты заметно исчерпались, и стало необходимо искать выход. Всё это привело государства тридцать лет назад создать Лигу наций, которая заменила ООН. Фактически мир представил своему населению новую модель экономического и политического устройства. Шесть континентов были разделены на четыре сектора, более простые: Евразия, Америка, Африка и Океания. Безусловно, Африка и Океания, представленная Австралией и несколькими странами Полинезии, не могли соперничать с Америкой и Евразией, богатейшими когда-то странами. Спустя десять лет человечество устремилось осваивать два пространства: воду и космос. Последнее стало наиболее важным. На Луне были созданы крупнейшие базы, которые уже пятнадцать лет представляли два огромных мегаполиса по два миллиона человек каждый. Для космоса это много, поверьте. Но человечество не хотело останавливаться после провальных попыток оживить Венеру как клон Земли и создать там колонию по добыче минералов. Стремления осваивать космос продвигались дальше. Мощнейшие марсианские бури сразу отмели возможность создания баз и колонизировать когда-либо Марс. Но годы шли, и две успешные орбитальные станции Сатурна и Юпитера давали огромные доходы. Корпорации не скупились на космические флоты, доставляющие прочные минералы на Землю. Грянул строительный бум. Сплав космических пород позволил создавать дома двух- и трёхкилометровой высоты, не боящихся толчков в двенадцать баллов. А подводные города растянулись на сотни километров в Тихом и Атлантическом океанах. Население Земли постоянно увеличивалось.



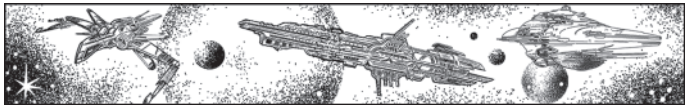
Я взрослел быстро, как требовало время, иногда даже слишком быстро. Несчастный случай лишил меня отца, и мы с мамой жили вместе. Я знал, что рано или поздно стану пилотом и буду управлять шаттлом. И хотя за последние пять лет, эта специальность стала самой востребованной на Земле, обучение в академиях увеличили с трех до пяти лет.

Специальная комиссия Лиги наций сделала ошеломляющий отчёт: «Только человек способен нестандартно и иногда более точно мыслить в элементарных ситуациях, а не робот». Этот закон уничтожил робототехнику в виде прототипов, но дал миллионы рабочих мест. Земля превратилась в постоянно растущий организм, насыщаемый управляемой техникой, которая всё более и более приобретала важный смысл в нашей жизни. Шаттлы стали основным модифицированным транспортом. Их применяли для перевозок в космосе, в воде, в воздухе. Пилоты, в свою очередь, оказались желанными клиентами любой торгующей сети. Сформиро-

вался новый социальный класс, который доминировал.

Двигаясь к академии по виадуку, находящемуся на пятисотметровой высоте, я чувствовал себя хорошо. Двухкилометровое здание жилого корпуса академии всё более напоминало постового среди ещё пяти аналогичных небоскребов, которые скрывали свои верхушки далеко под облаками. Но сегодня солнце залило их своим светом, и весь огромный комплекс гавани, врезанный будто конструктор, сиял в лучах света. Сотни тысяч людей, которые в большей степени были студентами вузов, торопились на занятия. Помню, что я шёл медленно и неторопливо. Трудно представить, сколько за одну минуту проносилось мимо меня шаттлов. Лёгкий ветер щекотал мне лицо.

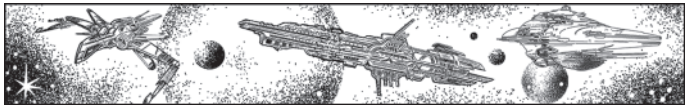
За эти несколько минут прогулки до корпуса академии вспомнил всю свою жизнь. Детство, юность, первую работу. Первый поцелуй и, конечно же, встречу с той, кого так сильно полюбил. Милая, добрая Николь, такая же замечательная и потрясающая, как утренняя роса на лепестках роз. Да, и об этом я сказал ей уже на второй день знакомства. Я был не совсем уверен в том, что она вообще придёт на свидание ко мне, хотя я несколько лукавлю. В школе и в академии я был одним из лучших. Меня хвалили за мою память профессора, а ребята любили за чувство юмора. Награды с соревнований радовала маму. Я и сам понимал важность спорта в жизни. Однако до сих пор не знаю, что лучше: уметь плавать или играть в гольф. Один мой знакомый говорил, что второе приблизит меня к богатству, а первое может привести к самоубийству. И всё же я рад, что



жизнь к этому времени сложилась именно так. Понимание того, что я заканчиваю академию с отличием, кружило мне голову. При этом я старался не думать о предстоящем распределении на работу. Я был уверен, что моя карьера сложится. Мои мечты жениться на Николь и поехать отдохнуть куда-нибудь этим летом, не оставляли меня.

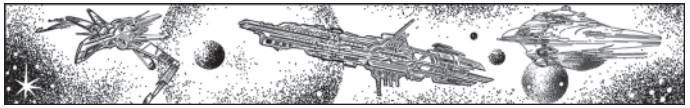
НИКОЛЬ

Я сбавил свой размеренный шаг и почти остановился. До входа в огромные двери академии оставалось не более тридцати метров. Студенты, толкаясь, толпились у входа. Несмотря на этот непрекращающийся поток, я легко и быстро разглядел Николь. Она стояла неподалёку. Приняв свою любимую позу ожидания, то есть, обхватив одну другой согнутые руки, она смотрела на коммуникатор, проверяя время. За то время, пока мы были знакомы, я ни разу не опоздал. Моя славная Николь. Я вспоминаю день нашего знакомства каждый раз, когда смотрю, как она ждёт меня. Мы познакомились, когда спешили на экспресс-шаттл, чтобы попасть на материк. Оба торопились к родителям на выходные. И сегодня она совсем не изменилась, такая же потрясающая. Комбинезон академии лишь слегка оттенял её грацию и пластику. Её шаги были чёткими и мягкими, а дыхание совсем неслышным. Она стояла, обратив свой взор в сторону севера, где маленьким пятнышком пробивалась радуга. Мне казалось издалека, что я вижу, как



её зрачки реагируют на каждое движение облаков. Я стоял и смотрел на неё. Любоваться теми, кого любишь, — вот поистине счастье, которое даётся свыше. Ты словно боишься нарушить гармонию, воплотившуюся в той, кого любишь. Каждый раз стремишься подарить ей лишь радость. Помню, я подумал тогда о том, что нас с Николь всегда отличало от остальных. Мы действительно сильно полюбили друг друга. Не проходило и дня, чтобы мы не были вместе или в коротких поездках домой не говорили часами по коммуникатору. Надо отдать должное моему терпению, которое я проявлял, каждый раз, беседуя с её отцом. Это особый, чёрствый человек всегда был со мной резок. Он считал, что Николь чересчур меня хвалит. Вот её мать другое дело. Милая, чудесная женщина. Одна из немногих в наше время, знающая, как надо заваривать чай с мёдом. Мы сразу нашли общий язык, и она искренне полюбила меня. Я не скрою, что был рад и реакции моей мамы. Она тоже полюбила Николь. Каждый раз, когда мы с Николь выбирались к маме, они долго беседовали. Случайным образом выяснилось, что Николь тоже увлекается цветами. Так что рассуждая о розах, они мило болтали часами напролёт. Мама всегда передавала привет Николь, хотя и сама ей звонила часто.

И вот, от совместной жизни с Николь, такой долгожданной, нас отделяла неделя. Всего семь дней и выпуск. Как это ни покажется странным, но самым жёстким пунктом устава для меня был первый: студентам запрещалось жениться и заводить семью раньше окончания срока обучения. На первый взгляд, это было смешным,



но смысл есть всегда. Кто мог подумать, что случай десятилетней давности заставит руководство всех лётных вузов запретить браки до срока окончания обучения. Парадокс конца XXI века. Наука подарила нам знания и дала нам новые рамки жизни. Комитет Лиги наций подтвердил заключения учёных. Среди ста опрошенных студентов девяносто подтвердили на тестах, что, будучи в браке, они задумываются о своей профессии в десять раз меньше. Многочисленные опыты и эксперименты показали, что стабильность таких пилотов на сорок пять процентов ниже в нештатных ситуациях. Последний тест господина Норингтона показал, что желание закончить обучение у женатых на шестьдесят семь процентов меньше, чем у холостых. Иными словами, ваши семейные проблемы поглощают вас всецело. Жестокие цифры решили всё за нас. Отвернуться от карьеры – значит, перечеркнуть судьбу. Мы с Николь хорошо знали это.

После минутного созерцания своей любимой издалека я, сделав несколько шагов, очутился рядом с ней.

– Привет, любимый, – с этими словами и жарким, просто горящим, поцелуем, Николь заключила меня в объятия. – Это тебе, мой единственный. – Она протянула маленькую коробочку, почти вложив мне её в руку.

– Что это?

– Открывай, – сказала она, снова поцеловав меня. Я открыл коробку, в ней гордо сиял перстень.

– Ты с ума сошла.

– Для своего любимого мне ничего не жалко.

Она всегда была такой. Николь могла всю стипендию

потратить на билет в кино или на новое платье. Кроме всего прочего, она баловала меня.

— Смотри, я привыкну, — сказал я, улыбаясь.

— И пускай.

Мы целовались. Её длинные каштановые волосы, которые я всё время теребил, немного развевались от лёгкого ветра. Обхватив её за талию, я нежно держал её, почти отрывая от земли. Со стороны, наверное, это напоминало первое свидание, но нам было всё равно.

— Я люблю тебя.

— И я тебя навсегда люблю, — ответила она, подарив мне ещё один нежный поцелуй. Улыбнувшись друг другу, мы, взявшись под руки, поспешили в академию.

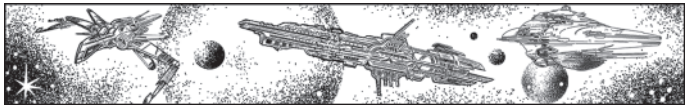
— Ты не поправилась?

— С чего это?

— Просто твой комбинезон сегодня уплотнился, — лукавил я.

— Ты как всегда, Джонатан Либерти, такой же мальчишка, — щёлкнув меня по носу, парировала она.

Мы вбежали в холл, а затем в первый лифт, который показался нам не таким заполненным. Его двери мягко закрылись, и мы понеслись на сто тридцать пятый этаж, где должно было состояться первое сегодняшнее занятие.



РЕШЕНИЕ

Мы с Николь уже полчаса стояли в сквере академии и по-настоящему ссорились. Это был трудный для меня момент. Тогда я её так и не понял, возможно, не понял бы и сейчас. Для меня было удивительно то, что впервые за два года нашего знакомства она была против моего решения.

— Я не хочу никуда ехать, не хочу никуда лететь. Я хочу быть рядом с тобой, — объяснял я.

— Когда ты станешь взрослым? Ты не можешь не понимать, что это нужно тебе, именно тебе. Господи, Джонатан, пол академии мечтают о таком назначении, а ты нет.

— Я хочу быть с тобой рядом, — твердил я.

Николь улыбнулась:

— Мы сможем видеться с тобой каждые три месяца. Ты же знаешь, что меня отправляют на «Деметру».

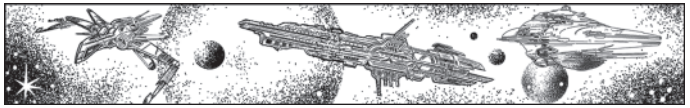
— Да, знаю.

Мне казалось, что она должна меня понять. Но я видел, что это совсем не так. Я будто стучался в закры-

тую, совсем чужую дверь. Я просто не знал, что сказать. Судьба сама свершила свой приговор, не принимая мои желания в расчёт. Может, и к лучшему. Я чувствовал, что мои попытки тщетны. Николь была в восторге от предложения, прозвучавшего тридцать минут назад. Я понимал, что это смесь гордости, любви и радости за своего любимого. Для меня же было всё иначе. Понимание того, что я буду видеть свою Николь всего раз в три месяца разрывало мне сердце.

Сэр Джек Майерс, огласивший приговор по распределению на работу всех студентов нашей группы, был настоящим монстром. Да, именно так мы называли его. Этот невысокого роста лысоватый профессор был для всех нас олицетворением маразма, идиотизма и глупости всей академии. Для многих было удивительно узнать, что именно он огласит нам наши направления на работу, а точнее сказать, рекомендации академии. Каждому студенту рекомендовали то или иное направление деятельности. В современном мире это было диагнозом, иногда даже счастьем. Николь, в отличие от меня, определили во флот снабжения, а именно на крейсер «Деметра». Один из семи крейсеров-заправщиков, обслуживающих космические станции и объекты Солнечной системы. Это было неплохим направлением для неё. Количество пилотов, участвующих в управлении такими крейсерами, было от пятидесяти до ста человек. Это были лучшие студенты. Однако моя дорогая Николь была рада прежде всего за меня.

Она полагала, что мне повезло. Мне выпала честь быть зачисленным в отряд первых пилотов нового фло-



та. Нечто среднее между определённостью и сюрпризом. Всё просто: Лига наций всего год назад объявила о строительстве трех крупных космических крейсеров, с чёткими задачами и целями. Стало ясно, что финансовые вложения и масштабы стройки, развёрнутой на лунной орбите, лишь начала грандиозных планов. Год позади, и один из трёх крейсеров был закончен и проходил тестовый цикл на Луне. Все студенты всех академий на Земле понимали, что войти в экипажи этих кораблей — значит войти в историю освоения новых рубежей космоса. Признаюсь, что в определённый момент я тоже мечтал об этом, но после встречи с Николь мои жизненные ценности изменились или были поставлены под сомнение. Смятение от нашей ссоры охватило меня. Неуверенность поселилась в моей душе. Я слушал Николь, которая продолжала то и дело обнимать и целовать меня. Перебивая саму себя, она пыталась доказать мне, что я должен, просто обязан согласиться без колебаний:

— Любовь моя, ты сможешь, я знаю. Это ещё раз доказывает, какой ты талантливый и замечательный. Помнишь, год назад ты ещё говорил, что тестовые полёты были ошеломляющими, и профессор Майерс даже не верил результатам. Ты ещё говорил, что это ошибка.

— Я и сейчас так думаю.

— Нет, Джонатан. Ты лучший или по крайней мере один из лучших.

— Конора тоже отправляют.

— Ну и что? Мне важен ты и только ты.

— Господи, Николь, жизнь не состоит из карьеры и полётов в космос, — сказал я, невольно оттолкнув её от себя своим чёрствым, раздражённым тоном.

— Джонатан, ты что?! Вспомни, как ты мечтал о карьере. О том, как очень скоро через пару-тройку лет ты станешь капитаном крейсера.

— Да, но это было до того, как я встретил тебя.

— Я понимаю, любовь моя, но наши планы от этого не меняются. Я хочу, чтобы ты сделал карьеру. Не забывай, что крейсер ещё в тестовом режиме, полёт может начаться ещё через пару месяцев. К этому времени, может, мне удастся перевестись к тебе и...

Помню, как я отодвинул её от себя и, посмотрев на небо, сказал:

— Николь, ты же знаешь правило. На крейсерах такого типа действует жёсткая дисциплина. Команде выдадут кучу заданий, тестов. Брифинги два раза в неделю, отчёты капитану. Это посложнее дипломной работы по экологии.

— Мне кажется, ты преувеличиваешь, — сказала она, тяжело вздохнув. Облокотившись на парапет, она посмотрела в сторону.

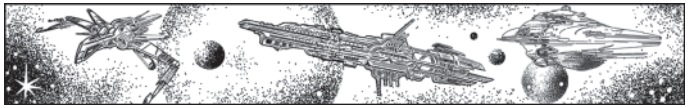
Я медленно подошёл к ней и обнял её.

— Твои руки, я так люблю твои руки, когда ты обнимаешь меня, — прошептала Николь.

Мы вместе смотрели на лавку в парке, где познакомились когда-то.

— Помнишь наше место? — я повернулся к ней лицом.

— Конечно, Джонатан, конечно.



Поцелуй, как всегда, ослепил нас обоих и как будто вернул на два года назад в день знакомства.

— Обещай мне, что подумаешь. Не ради нас, не ради меня, а ради самого себя.

— Николь, я...

— Не говори ничего, не говори. Я знаю, знаю.

— Николь... — я поцеловал её вновь.

— Джонатан, ты должен хоть сейчас подумать не обо мне, не о маме, не о своих друзьях, а о себе. Ты заслужил это назначение и достоин его больше, чем кто-либо. Представь, как твоя карьера пойдёт вверх и наша жизнь тоже.

Я посмотрел на мою славную Николь, обнял её и поцеловал:

— Я подумаю.

— Хорошо. Думаю, тебе надо побыть сейчас одному, — сказала она после короткой паузы.

— Да, ты права.

— До вечера.

— До вечера.

— Я пойду, поболтаю с Мелисой она в небольшой депрессии после своего назначения.

— А куда...

— В транспортно-почтовую службу — я засмеялся.

Николь засмеялась тоже:

— Не смейся. Перестань меня смешить.

Я почти начал хохотать, заводя и её.

— Прости! Я... Я понимаю, она твоя подруга.

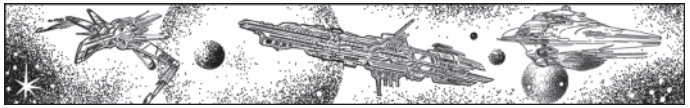
— Джонатан, не забывай, не все такие как мы с тобой, — Николь посмотрела на меня своим сексуальным

взглядом, соединив лёгкую улыбку и блеск глаз воедино.

— Я знаю, любовь моя, я знаю.

— Люблю тебя.

Ещё раз чмокнув меня, она, ускорив шаг, стала удаляться в сторону эстакады. Я остался стоять на месте, провожая её взглядом. Сразу поймал себя на мысли, что уже начинал скучать и ждать встречи с моей любимой вечером.



СТАРЫЙ ДРУГ

Разговор с мамой был почти аналогичен разговору с Николь. Отключив коммуникатор и откинувшись на кровати, я повернул голову к окну. Мысль сомнения не покидала меня. Мнения моих самых близких людей казались мне наполненными субъективизмом и излишней привязанностью и любовью ко мне. Я поднялся, чтобы выпить чашку кофе. На коммуникаторе было уже пять вечера. До захода солнца оставалось почти четыре часа, и бухта «Жемчужной Гавани» так же сияла, как и утром. После пары глотков мне в голову пришла потрясающая мысль. Оставив кофе и захватив куртку, я поспешил вниз. У меня было не так много времени, но к мистеру Роланду я должен был успеть.

Мистер Роланд Берроу держал небольшой магазин на Таити. Он торговал музыкальными инструментами. Мы познакомились очень давно, точнее сказать, он знал меня с детства. Можно сказать, что он был другом семьи. Он редко бывал у родителей, и всё же мы виделись часто. Я всегда уважал его и советовался по всем важ-